

Летописи русской литературы и древности
Том 1

Москва
«Книга по Требованию»

УДК 82.09
ББК 83.3
Л52

Л52   Летописи русской литературы и древности: Том 1 / – М.: Книга по Требованию, 2017. – 478 с.

ISBN 978-5-518-05612-1

ISBN 978-5-518-05612-1

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2017
© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2017

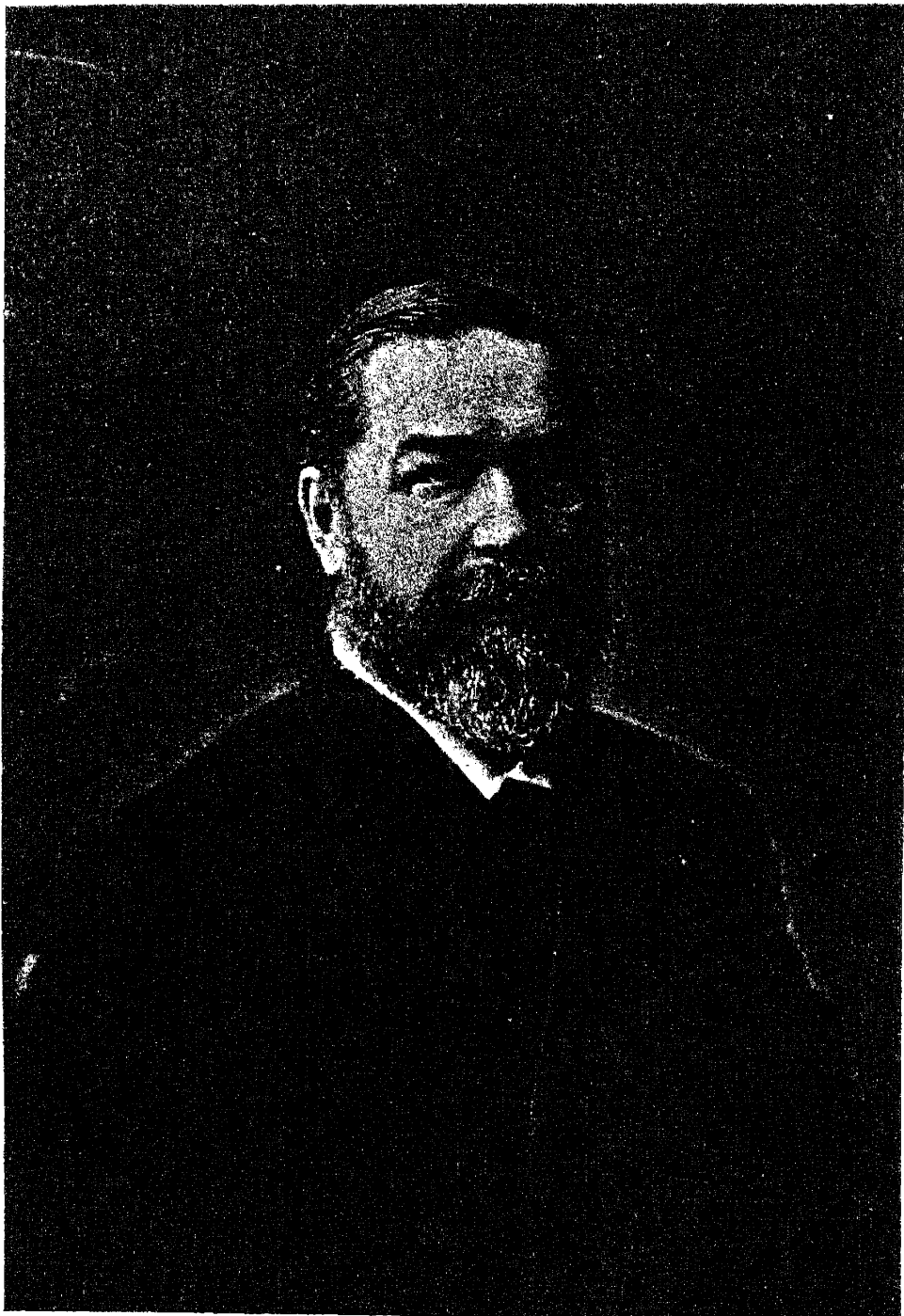
Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первоизданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

Свѣтопечатъ С. В. Кульженко, Кіевъ

М. Кузьминъ

РУССКАЯ ПОЭЗИЯ XI И НАЧАЛА

XII ВѢКА.

Критическая разработка драгоценныхъ памятниковъ нашей поэзи, рукописныхъ и изустныхъ, безъ сомнѣнія пополнить со временемъ существенный пробѣлъ въ исторіи древне-русской словесности, которую досель ограничивали почти одною прозою. Даже то немногое, чѣмъ наука воспользовалась для исторіи русской поэзи, требуетъ осмотрительной повѣрки и болѣе обстоятельнаго изслѣдованія. Молодость и незрѣлость историческаго изученія нашей древней поэзи лучше всего доказывается тѣмъ, что, не смотря на множество разныхъ изслѣдованій и замѣчаній о «Словѣ о полку игоревѣ», до сихъ поръ исторія литературы не воспользовалась, какъ слѣдуетъ, точными указаніями этого знаменитаго памятника для исторіи русской поэзи XI и начала XII вѣка.

Историко-филологическое изученіе поэтическихъ преданій въ нашихъ древнихъ лѣтописяхъ и позднѣйшихъ хроникахъ, конечно, дастъ не мало матеріаловъ для опредѣленія русскаго эпоса XI вѣка; но мнѣ кажется, что, въ настоящее время, пока еще не приведенъ въ исполненіе и даже не предпринять этотъ многосложный трудъ, требующій разнообразныхъ сравнительныхъ изысканій, всего легче подойти къ поэзи этого отдаленнаго вѣка по яснымъ, драгоценнымъ для исторіи нашей литературы, свидѣтельствамъ «Слова о полку игоревѣ.»

Безымянный авторъ этого произведенія не только замѣча-

тельный поэтъ, но и добросовѣстный историкъ, правдивость котораго вполне доказана издателями его «Слова» на сличеніи историческихъ подробностей, имъ сообщенныхъ, съ свидѣтельствами лѣтописи. На этомъ основаніи мы имѣемъ право, даже мы обязаны вѣрить въ историческую истину того, что говоритъ намъ этотъ во всѣхъ отношеніяхъ достовѣрный авторъ о древнѣйшей русской поэзіи, *о старыхъ словесахъ и замысленіи Бояна.*

Правда, что изучавшіе «Слово о полку игоревѣ» давно уже обратили вниманіе на этотъ важный предметъ, составляющій существенную часть всего произведенія; но до сихъ поръ никто еще не рѣшился извлечь изъ «Слова», какъ изъ свидѣтельства позднѣйшаго, все то, что принадлежитъ въ исторіи нашей поэзіи къ древнѣйшей эпохѣ, и изъ этого древнѣйшаго никто не рѣшился составить самостоятельное цѣлое, независимое отъ позднѣйшаго содержанія, обработаннаго безыменнымъ авторомъ. Недостатокъ строгой историко-филологической критики, доведенной до такихъ блистательныхъ результатовъ братьями Гриммами въ разработкѣ народной поэзіи, былъ главною тому причиною, не смотря на попытки нѣкоторыхъ нашихъ ученыхъ объяснить себѣ значеніе Бояна въ «Словѣ о полку игоревѣ».

Рѣшеніе этого вопроса, кажется, не далеко двинулось впередъ съ 1846 года, когда г. Шевыревъ во 2-мъ выпускѣ своей «Исторіи русской словесности» помѣстилъ лекцію о «Словѣ о полку игоревѣ».

Отдавая полную справедливость почтенному автору въ объясненіи исторической части «Слова», не можемъ признать столько же удовлетворительнымъ то, что говоритъ онъ о части собственно поэтической. Мнѳологія, на которой зиждется весь древнѣйшій періодъ народной поэзіи, и слѣды которой такъ явственны въ «Словѣ», вовсе не объяснена нашимъ историкомъ, и не приведена въ органическую связь съ поэтическимъ міромъ старыхъ словесъ и замысленій Бояна. Вслѣдствіе того наша древняя историческая поэзія представилась оторванною отъ ея героической и мнѳической основы, между тѣмъ какъ самое «Слово» почти на каждой страницѣ напоминаетъ о живой, родственной связи съ этою древнѣйшею осно-

вою. По той же причинѣ нарушена органическая связь между содержаніемъ и художественною формою, которая своими эпическими выраженіями не только составляетъ внѣшнее украшеніе рѣчи, но и по преимуществу мелкими подробностями восполняетъ и завершаетъ поэтическое представленіе, воспроизводимое содержаніемъ. Изучавшимъ изслѣдованія Я. Гримма вполне понятно, сколько глубины мысли и вѣрованья, сколько жизненности народнаго быта заключается иногда въ краткомъ сравненіи, даже въ одномъ эпитетѣ, которымъ народный пѣвецъ опредѣляетъ предметъ рѣчи. Въ нашей литературѣ нѣтъ ни одного памятника, къ которому можно бы было съ такою пользою примѣнить эту плодотворную гриммовскую методу, какъ наше драгоценное «Слово».

Впрочемъ, оставивъ общія разсужденія, обратимся къ поэзи Бояна. Начнемъ съ того, на чемъ остановилась исторія русской литературы. Г. Шевыревъ говоритъ слѣдующее: «Все, что вѣрнаго можно извлечь о Боянѣ, заключается въ томъ, что это былъ пѣвецъ русскій, жившій во второй половинѣ XI столѣтія или въ началѣ XII, что онъ прекрасно сознавалъ свое поэтическое назначеніе, что онъ былъ пѣвцомъ независимымъ, добровольно пѣлъ пѣсни въ честь князей, не подвергая своего вдохновенія произволу жребія, что онъ слагалъ эти пѣсни устно, а не предавалъ ихъ письму, сочинялъ смѣлыя припѣвки на князей и не любилъ пѣвца Олега Святославича.» (стр. 283.)

Въ этой характеристикѣ останавливаются на себѣ вниманіе двѣ подробности: первая, что Боянъ не подвергалъ своего вдохновенія произволу жребія, и вторая, что онъ не любилъ пѣвца Олега Святославича. Разборъ этихъ подробностей, какъ увидимъ, въ высшей степени важенъ для опредѣленія нашей поэзи конца XI или начала XII вѣка.

Первую обстоятельно объясняетъ г. Шевыревъ въ слѣдующихъ словахъ: «Въ другомъ мѣстѣ говорится, что онъ (т. е. Боянъ) помнилъ рѣчь первыхъ временъ усобицы, что *тогда былъ обычай пускать десять соколовъ на стадо лебедей: чей долеталъ прежде, тому и пѣсню прежде пѣли*. Но видно, что *это былъ обычай пѣвцовъ, предшествовавшихъ Бояну*, потому что онъ самъ уже не пускалъ десяти соколовъ

на стадо лебедей, *не по жребію пълъ*, а возлагалъ вѣще персты на струны, и онѣ сами рокотали славу князьямъ. Ясно по смыслу «Слова», что этотъ ^ообычай пускать соколовъ на лебедей и такимъ жеребьемъ рѣшать, въ чью славу должна быть пѣта первая пѣсня, относится къ первымъ временамъ междоусобій. Боянъ его помнилъ; но ему уже не слѣдовалъ, а самъ по волѣ своей воспѣвалъ князей, кого хотѣлъ» (стр. 282). Вотъ изъ самаго «Слова» въ подлинникѣ то мѣсто, изъ котораго извлечена эта странная характеристика и Бояна, и какихъ-то другихъ пѣвцовъ: *«помняшетъ бо речъ пѣрвыхъ временъ усобицѣ; тогда пуцашетъ 10 соколовъ на стадо лебедей, который дотечаше, та преди пѣсь пояше, старому Ярославу, храброму Мстиславу, иже зарѣза Редедю предъ пѣлки Касожьскими, красному Романови Святъславличю. Боянъ же, братіе, не 10 соколовъ на стадо лебедѣй пуцаше, въ своя вѣщія прѣсты на живыя струны вѣскладаше; они же сами княземъ славу рокотаху.»* Изъ подлинника ясно, что *не было обычая пѣвцовъ, предшествовавшихъ Бояну, пускать десять соколовъ на стадо лебедей*, но что именно *самъ Боянъ пускалъ* этихъ соколовъ. Два глагола преходящаго времени *помняшетъ* и *пуцашетъ* очевидно относятся къ одному и тому же подлежащему, къ Бояну. А эти соколы не что иное, какъ вѣще персты Бояна, о которыхъ и говорится далѣе. Потому то число соколовъ и равняется числу пальцевъ. Все это мѣсто есть не что иное, какъ распространенное отрицательное уподобленіе, столь обыкновенное въ русской народной поэзіи. И такъ, не было у насъ страннаго обычая жеребьемъ соколовъ рѣшать, кого воспѣвать, не было стихотворныхъ турнировъ, состязанія въ пѣвческой наукѣ, и не кто другой, а тотъ же Боянъ воспѣвалъ Ярослава, Мстислава и Романа.

Еще страннѣе другая подробность. Г. Шевыревъ такъ объясняетъ ее: «Еще сказано о Боянѣ, что *онъ ходилъ на святославова пѣснотворца* стараго времени, ярославова и ольгова, и сказалъ слово *противъ него*. Видно, что *онъ былъ противникомъ* этого пѣснотворца, и авторъ «Слова» ему сочувствуетъ: это понятно, потому что пѣвецъ славилъ олегово время, которое возбуждало негодованіе въ авторѣ, какъ время разгара самыхъ страшныхъ междоусобій.» (стр. 262.)

Это обвиненіе нашихъ поэтовъ XI вѣка въ какихъ-то политико-литературныхъ распряхъ, болѣе приличныхъ нашему журнальному вѣку, извлечено изъ слѣдующаго мѣста, самаго темнаго во всемъ «Словѣ,» такъ что г. Максимовичъ, какъ говоритъ самъ г. Шевыревъ въ примѣч. 26-мъ, даже выкинулъ его изъ своего изданія: «рекъ Боянъ и ходы на Святъславля пѣствоца стараго времени Ярославля Ольгава Коганя хоти: тяжко ти головы, кромѣ плечю; зло ти тѣлу, кромѣ головы.» Откуда же видно, чтобъ *Боянъ былъ противникомъ свято-славова пѣвца?* Въ этомъ темномъ мѣстѣ нѣтъ на то ни малѣйшаго намека. Мы даже думаемъ, что мнѣніе г. Шевырева есть не что иное, какъ неудачное, противное исторической критикѣ перенесеніе современныхъ намъ понятій о журнальныхъ антипатіяхъ въ отдаленные вѣка нашей древней простодушной Руси. Итакъ, на основаніи необъяснимой, вѣроятно ошибочной фразы, лучше удержимся отъ клеветы на доброе старое время. Одно только, кажется, можно извлечь изъ этого темнаго мѣста, что подъ пѣснотворцемъ святославовымъ разумѣется тотъ же Боянъ *)

Возстановляя литературныя права Бояна и очищая память о немъ отъ странныхъ догадокъ, мы вовсе не думаемъ поэтическую дѣятельность XI вѣка и начала XII ограничить одною его личностью. Такой знаменитый пѣвецъ, какъ Боянъ, безъ сомнѣнія, могъ процвѣтать только въ такое время, обильное поэтическимъ творчествомъ, когда народныя сказанія были широко распространены въ устахъ народныхъ пѣвцовъ. Но какъ мы привыкли приписывать Киршѣ Данилову многія народныя пѣсни, конечно, не имъ сложенныя; такъ и для автора «Слова о полку игоревѣ» знаменитое имя Бояна покрывало собою цѣлую толпу неизвѣстныхъ пѣвцовъ.

Предлагаемый здѣсь любителямъ русской старины краткій опытъ о поэзіи Бояновой, можетъ-быть, со временемъ полнѣе опредѣлится въ своемъ объемѣ и содержаніи. Можетъ-быть, кое что въ моемъ опытѣ не выдержитъ строгой крити-

---

*) Особенно пріятно засвидѣтельствовать мнѣ, что того же мнѣнія о пѣснотворцѣ святославовомъ держится и г. Максимовичъ, отъ котораго я имѣлъ честь это слышать лично.

ки, но во всякомъ случаѣ нельзя отказать исторіи русской литературы въ настоящей потребности воспользоваться «Словомъ о полку игоревѣ» для возсозданія полной характеристики нашей поэзіи XI и начала XII вѣка.

Важнѣйшій фактъ, извлекаемый изъ «Слова о п. и.» для исторіи русской поэзіи XI вѣка, есть тотъ, что поэзія эта, вышедши изъ своихъ первобытныхъ мифическихъ основъ, явственно носить на себѣ характеръ уже *историческій*. Русскій эпосъ XI вѣка уже эпосъ историческій. Въ поэтическихъ интересахъ вдохновенныхъ пѣвцовъ, герои-полубоги со всею своею чудесною, мифическою обстановкою, уступили мѣсто лицамъ историческимъ, именно князьямъ русскимъ съ ихъ усобицами. Боянъ помнилъ уже усобицы первыхъ временъ: «помняшетъ бо рѣчь пѣрвыхъ временъ усобицѣ»; и воспѣвалъ стараго Ярослава, храбраго Мстислава, краснаго Романа, Олега Святославича и Святослава Ярославича, а также и особенно — Всеслава полоцкаго.

Это главные историческія лица, воспѣтыя знаменитымъ русскимъ поэтомъ XI вѣка. Хронологіею этихъ князей опредѣляется и эпоха пѣвца.

Мстиславъ + 1033.

Ярославъ + 1054.

Святославъ + 1076.

Романъ + 1079.

Всеславъ + 1101.

Олегъ + 1115.

Боянъ былъ *пѣснотворецъ святославовъ*, и воспѣвалъ подвиги сыновей святославовыхъ, Романа и Олега, князей тмутороканскихъ. Романа онъ называлъ *Краснымъ*, а Олега не Святославичемъ, а *Гориславичемъ*. «Тогда при Олзѣ Гориславличи — такъ онъ говорилъ — сѣяшеться и растяшеть усобицами; погибашеть жизнь Дажь-Божа внука, въ княжихъ крамолахъ вѣци челоувѣкомъ скратишась.» Еще припѣв-

кою говорилъ Боянъ то же, вѣроятно, объ Олегѣ: «тяжко ти головы, кромѣ плечю: зло ти тѣлу, кромѣ головы.»

Кромѣ этихъ двухъ тмутороканскихъ князей, онъ воспѣвалъ еще третьяго, знаменитаго Мстислава, «иже зарѣза Редедю предъ пълкы Касожьскими.» И такъ, по свидѣтельству «Слова», именно этотъ знаменитый подвигъ Мстислава, между другими, былъ воспѣтъ нашимъ пѣвцомъ. По Нестору: «бѣ бо великъ и силенъ Редедя,» то есть великанъ, какими обыкновенно представляются въ народномъ эпосѣ страшные враги.

Связь Бояна съ князьями тмутороканскими и черниговскими, вѣроятно, заслуживаетъ нѣкотораго вниманія.

Прежде нежели будемъ продолжать о собственно исторической поэзи Бояна, почитаемъ необходимымъ предварительно опредѣлить отношеніе нашего историческаго эпоса XI вѣка къ древнѣйшему эпосу миѳологическому: потому что, не смотря на желаніе пѣвца ограничиться историческими данными, не могъ онъ по самому существу народной поэзи отрѣшиться свою фантазію отъ миѳическихъ представленій.

Всѣ миѳическіе намеки въ «Словѣ о п. и.», безъ всякаго сомнѣнія, относятся къ древнѣйшимъ народнымъ преданіямъ, къ *старымъ словесамъ*, представителемъ которыхъ для нашего автора былъ Боянъ съ своими замысленіями. Авторъ «Слова» не могъ выдумать миѳологическихъ представленій, потому что такія вещи не выдумываются отдѣльнымъ лицомъ; къ тому же, какъ христіанинъ, онъ не могъ бы съ полнымъ сознаніемъ сложить эти представленія въ свою собственную фразу. Нѣтъ, эти миѳическіе намеки, очевидно, отдѣльныя выраженія, потерявшія уже свой полный смыслъ, миѳологическіе архаизмы, заимствованные авторомъ изъ старыхъ словесъ, изъ замысленія Боянова.

Самые очевидные миѳологическіе слѣды *старыхъ словесъ* мы видимъ въ бѣглыхъ намекахъ на языческія божества. А именно:

1) «Се вѣтри, *Стрибожи* внуци, вѣютъ съ моря стрѣлами» — эту фразу авторъ «Слова» уже примѣнилъ къ полкамъ игоревымъ: стрибоговы внуки вѣютъ стрѣлами *на полки игоревы*.

2) При Олегѣ Гориславичѣ «погибашеть жизнь *Дажь-Божя* внука.» Такимъ образомъ при имени князя, воспѣтаго Бояномъ, встрѣчается и миѳическій намекъ, безъ сомнѣнія, этому же пѣвцу принадлежащій.

3) «Въстала обида въ силахъ *Дажь-Божя* внука. Вступилъ *) дѣвою на землю Трояню, всплескала лебедиными крылы на синѣмъ море у Дону плещучи, убуди жирня времена.» Здѣсь три намека равно указываютъ на замышленіе прежнихъ временъ: о Дажьбогѣ, Троянѣ и Дѣвѣ съ лебедиными крыльями, на синемъ морѣ.

4) Всеславъ полоцкій «великому *Хрѣсови* влъкомъ путь прерыскаше.» Въ послѣдствіи мы увидимъ ясное свидѣтельство «Слова о полку иг.», что именно Боянъ воспѣвалъ Всеслава: и вотъ вмѣстѣ съ замышленіемъ Бояна еще намекъ на бога Хорса. Сверхъ того самъ Всеславъ при этомъ намекѣ является оборотнемъ-волкомъ или волкодлакомъ. Сверхъ того имя Всеслава сопоставлено съ другимъ лицомъ замышленія боянова, съ Трояномъ: «на седьмомъ вѣцѣ *Трояни* врьже *Всеславъ* жребій о дѣвицу себѣ любу».

5) Наконецъ самъ Боянъ называется внукомъ бога *Велеса* или *Волоса*: «вѣщей Бояне, *Велесовъ* внуце!» Такъ обращается къ знаменитому пѣвцу авторъ «Слова», безъ сомнѣнія, пользуясь стариннымъ обычнымъ выраженіемъ.

Изъ приведенныхъ мѣстъ явствуется, что миѳическія и героическія основы русской поэзіи еще были свѣжи въ памяти Бояна, когда онъ предавался замышленію эпоса, уже историческаго. Какъ стихіи и явленія природы, такъ и самъ человекъ, по старымъ словесамъ, разумѣлся происходящимъ отъ языческихъ боговъ. Вѣтры — внуки Стрибога, вѣщій пѣвецъ — внукъ Велеса; подъ внукомъ Дажь-бога обыкновенно разумѣютъ Русь или русскихъ вообще, но судя по опредѣлительности эпическихъ формъ слѣдовало бы ожидать не мужескій родъ *внукъ*, а женскій *внука*, еслибы разумѣлась *Русь*, или же множ. число *внуци*, еслибы разумѣлись *русскіе*.

---

*) Читай: *вступила*. Въ рукописи, вѣроятно, было подъ титломъ, то-есть: *вступи съ л надъ строкою*.